

RU

Художественная трансляция культурно-исторических традиций населения Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: сакрализованный зооморфизм в произведениях Н. А. Байкова

Кириллова Е. О.

Аннотация. Цель - выявить сакрализованный зооморфизм в творчестве писателя русского дальневосточного зарубежья Н. А. Байкова (1872-1958). Научная новизна связана с изучением в его произведениях духовно-религиозных представлений населения Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона о владыке тайги как о божественном звере, в котором воплотилась древняя восточная легенда о Великом Ване - Горном духе, царящем над всей природой. В статье впервые уделено внимание священным значениям мифопоэтических образов тигра и дракона. Проанализирована духовная связь двух животных, взаимодействие и дуализм которых ранее не выделялись как концептуально значимые в мифопоэтической картине мира Н. А. Байкова. Полученные результаты доказывают, что мифологемы «тигр» и «дракон» тесно связаны с циклом обрядовых действий, религиозных взглядов, тотемных культов, ранжиром почитаний и др. Это открывает новые перспективы для изучения ориентальной концепции в творчестве дальневосточного писателя-эмигранта.

EN

Literary Communication of Cultural and Historical Traditions of the Population in the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Sacralised Zoomorphism in N. A. Baykov's Works

Kirillova E. O.

Abstract. The research aims to identify sacralised zoomorphism in the creative work of the writer of the Russian Far Eastern diaspora N. A. Baykov (1872-1958). Scientific originality is connected with the study in his works of the spiritual and religious ideas of the population in the Russian Far East and Asia-Pacific countries about the lord of the taiga as a divine beast, which embodied the ancient Eastern legend of the Great Wang - the Mountain Spirit reigning over all nature. The paper is the first to pay attention to the sacred meanings of the mythopoetic images of the tiger and the dragon. The researcher analysed the spiritual connection between the two animals, the interaction and dualism of which have not been previously highlighted as conceptually significant in N. A. Baykov's mythopoetic worldview. The research findings prove that the "tiger" and "dragon" mythologemes are closely related to the cycle of ritual actions, religious views, totemic cults, ranking of veneration, etc. This opens up new perspectives for the study of the oriental concept in the creative work of the Far Eastern émigré writer.

Введение

Актуальность исследования мотивирована необходимостью изучать произведения писателя-эмигранта Н. А. Байкова. Литература Дальнего Востока и русского дальневосточного зарубежья историко-географически, социально-политически, экономически, этнографически, бытоповседневно была обусловлена наличием диалога между Востоком и Западом, сосуществованием различных культур: ориентальных и европейских. В связи с этим художественно-этнографическую прозу по-прежнему мало известного в русской литературе писателя Н. А. Байкова предлагается изучать в свете межкультурных взаимодействий и фронтальной ментальности. Научноёмким в современном литературоведении представляется обращение к творчеству представителей русской дальневосточной эмиграции, полно воспринявших окружающую их инокультуру и своеобразно

отразивших её. Это прозаики, поэты, журналисты, публицисты, востоковеды, синологи, этнологи, жившие или побывавшие в первой трети XX века в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), Японии, Корее: Б. М. Юльский, М. В. Щербаков, П. В. Шкуркин, П. Северный, Л. Н. Андерсен, Е. Е. Яшнов, А. Ачаир, Ф. Камышнюк, В. Янковская, А. Несмелов, В. Иванов, В. Март, В. Перелешин и др. Поскольку в ориентальной/азиатской/дальневосточной философии и культуре связь с мифологией, религиозными верованиями и культурами, ритуальная обрядовость, в которой выражается почитание или обожествление таёжных животных и растений, является первостепенной, то реализация подобных тем становится одной из значимых в творчестве писателей русского зарубежья Дальнего Востока, в т.ч. и Н. А. Байкова. Следует констатировать, что ориентальная тема в художественных произведениях натуралиста, краеведа, учёного, художника-иллюстратора на сегодняшний день ещё не исследована в полном объёме. Репрезентация в прозе автора восточных мотивов и образов, натурфилософская концепция природы, духовный мир человека, особенности воплощения инационального героя, межэтнические взаимодействия и многое другое ещё не получили целостного концептуального осмысления. К тому же появляющиеся со временем в свободном доступе произведения Николая Аполлоновича стимулируют очередной исследовательский интерес.

Творчество Н. А. Байкова составляет одну из примечательных глав не только дальневосточной эмигрантской прозы XX века, но и всей русской литературы прошлого столетия. Без глубокого и подробного изучения творчества «писателей второго ряда», как иногда называют таких авторов, полная картина историко-литературного процесса того времени вообще и литературы русского зарубежья в частности вряд ли станет ясна, что также подтверждает актуальность предпринятого исследования.

Материалом для анализа стали тексты русского писателя-эмигранта, большую часть из которых объединяет натурфилософская тема, тема природы. Рассматриваются роман Н. А. Байкова «Великий Ван» (1936) (Великий Ван: повесть; Чёрный капитан: роман / вступит. ст. Е. Ким. Владивосток: Рубеж, 2009), таёжная быль «Тигрица» (1940) (В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть. Владивосток: Рубеж, 2011), маньчжурская быль-роман из жизни замурцев по охране Китайско-Восточной железной дороги, 1901-1910 «Чёрный капитан» (1943) (Великий Ван: повесть; Чёрный капитан: роман / вступит. ст. Е. Ким. Владивосток: Рубеж, 2009), а также некоторые рассказы и очерки из сборников «В горах и лесах Маньчжурии» (1915) (В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть. Владивосток: Рубеж, 2011) и «Тайга шумит» (1938) (Тайга шумит; По белу свету; У костра; Сказочная быль: очерки и рассказы / коммент. Е. Ким. Владивосток: Рубеж, 2012).

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Рассмотреть особое – мифологизированное – значение образа Владыки тайги в биографии, творчестве и судьбе дальневосточного писателя-эмигранта.
2. Сопоставить сакральные мифологические зооморфные образы тигра и дракона в традиционной китайской культуре и региональной культуре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России, их восприятие и репрезентацию русским писателем.
3. Проанализировать культурологическую связь этих двух главных ориентальных мифологем (обереговые значения, функционирование в живописи, цветовые маркировки, идиоматические выражения и др.).
4. Обозначить мифоритуальные и духовно-религиозные взгляды тунгусо-маньчжурского населения, связанные с особенными местами пребывания священных животных (символика Хинганского хребта, горы Пэктусан, священных вод Амура и Сунгари).

Работа представляет собой историко-литературное исследование с элементами междисциплинарного подхода. Основными методами стали: биографический, сравнительно-исторический, культурно-исторический, компаративистский. Анализ сделанных выводов имеет теоретическую и практическую значимость. Теоретико-методологическую основу составили концепции разных авторов, занимавшихся в разное время различными аспектами изучения ориентальной культуры (Гарин-Михайловский, 1957; Арсеньев, 2012; Малявин, 2000; Сидихменов, 2000). Основой обращения к теме также послужили литературоведческие исследования, в том числе работы описательного характера. Предметом и тех, и других стало изучение художественной этнографии русской дальневосточной эмиграции, в особенности произведений писателя-натуралиста Н. А. Байкова (Дмитровский-Байков, 2008; Хисамутдинов, 2000; Неживая, 2000; Плостина, 2002; Крюков, 2012; Родионова, 2015).

Большинство выводов обладает научно-практической значимостью, поскольку результаты исследования существенно дополняют, часто восстанавливают фрагменты творческой биографии Н. А. Байкова. В связи с этим некоторые фактографические сведения и выводы об этом писателе могут быть задействованы при составлении статей и заметок в биобиблиографических словарях. Полученные результаты также могут быть использованы не только в научно-исследовательской деятельности, но и в преподавании различных учебных дисциплин высшей школы, в том числе регионального содержания (литература Дальнего Востока, литература русского дальневосточного зарубежья, литература стран Азиатско-Тихоокеанского региона и др.).

Основная часть

В 1896 году, окончив Тифлисское военное училище и получив чин подпоручика, Николай Байков живёт на Кавказе, где всё свободное от службы время посвящает изучению природы. Ближайший родственник императора Великий князь Николай Михайлович, друг семьи и к тому времени уже покойного отца Николая, энтомолог и большой любитель природы, берёт молодого человека под свою опеку. Он же представляет Н. А. Байкова академику Дмитрию Менделееву, рассказавшему о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Именно евразийские идеи Д. И. Менделеева утвердили будущего писателя в решении отправиться

на Восток: «Отправляйтесь-ка на Восток, молодой человек! Там непочатый край для вашей будущей деятельности и обширное поле для исследований!» (Встреча с Д. И. Менделеевым, 1943). Знаменитый химик, узнав про мечты о Дальнем Востоке, одобрил и изъявил желание помочь. «Поезжайте, поезжайте, молодой человек, в Маньчжурию! Там для вас открывается широкое поле деятельности. Это новый край, который ждёт исследователей. <...> Благословляю вас на новую жизнь. С Богом!» – вспоминал позже сам Н. А. Байков (2012) в автобиографическом очерке «Воспоминания о Менделееве» (с. 202).

Встреча с А. П. Чеховым и его интересные рассказы о пребывании на востоке России и Сахалине окончательно подтолкнули молодого романтика отправиться служить на Дальний Восток. По протекции Великого князя Николая Михайловича, впоследствии ставшего Председателем Русского географического общества, и Д. И. Менделеева 8 декабря 1901 года командиру 108-го пехотного Саратовского полка был отправлен приказ: «...поручик Н. А. Байков переводится Высочайшим приказом от 26 ноября с.г. в Отдельный корпус пограничной стражи в Заамурский округ сего корпуса. Вследствие чего штаб корпуса по приказанию командира корпуса просит Ваше Высокоблагородие предложить упомянутому офицеру отправиться по месту его назначения» (Хисамутдинов, 2000, с. 47). И зимой 1901-1902 гг. Николай Аполлонович отправляется в далёкую Маньчжурию. Надо понимать, что всё Забайкалье Н. А. Байков с семьёй проехал поездом, с большими трудностями и даже опасностями для жизни. Как пишет Е. Ким в комментариях к современному изданию писателя, «несколько раз им пришлось пересаживаться из служебных вагонов КВЖД в вагоны третьего класса, места в которых надо было брать с боем. Иначе они рисковали застрять на каком-нибудь безлюдном полустанке на несколько недель. Наконец они добрались до Хинганского хребта, отделяющего Монголию от Маньчжурии» (Цит. по: Байков, 2009, с. 22).

Через три месяца после отъезда, в феврале 1902 года, Н. А. Байков с женой, дочерью, денщиком и няней прибыл в Харбин. В Харбине офицеру предложили хорошую должность в Штабе Заамурского округа. В те времена пограничные войска не пользовались популярностью, их презрительно называли «таможенной стражей», или «Гвардией Матильды» – по имени супруги министра финансов графа С. В. Витте, который был шефом корпуса пограничной стражи и инициатором постройки КВЖД (Хисамутдинов, 2000, с. 48; Байков, 2012, с. 354). Но Н. А. Байков настоял на своём желании служить в охране восточной линии КВЖД и получил предписание и проездные билеты до станции Пограничной. «Мечты мои осуществились; я попал в таинственную страну, носившую название Маньчжурия», – отметит Н. А. Байков (1941, с. 4) в рассказе «Прощай, Европа!» из книги «Записки маньчжурского охотника». Мог ли в тот момент Николай Аполлонович себе представить, до какой степени эта страна станет центром его бытия в течение всей последующей долгой и плодотворной жизни.

Станция Пограничная (Суйфеньхэ), куда был направлен молодой офицер, находилась у самого предела Южно-Уссурийского края. Добравшись до места назначения, Н. А. Байков (2009, с. 25) вступил в должность заведующего оружием 3-й бригады охраны КВЖД. Начальником штаба 3-й бригады был А. И. Деникин, впоследствии один из руководителей белого движения. Будущий писатель должен был два раза в год объезжать её части, расположенные от станции Пограничной до станции Эрцэндяньцзы. Так он попал в Заамурский округ Пограничной стражи, всех служащих которого называли заамурцами. В обязанности их входила охрана самой КВЖД и так называемой полосы отчуждения, широкой полосы по обе стороны железнодорожной линии, в которой действовали русские законы, был учреждён русский суд, русская полиция. Разбитые по постам вдоль линии КВЖД и подъездным лесным веткам дикой и неизведанной Маньчжурии, на протяжении двух тысяч километров «заамурцы несли не за страх, а за совесть свою тяжёлую и опасную службу», – фиксирует Н. А. Байков (2012, с. 354) в рассказе «Счастливая Хорватия» из своего сборника «Сказочная быль».

В Маньчжурии Н. А. Байков успешно совмещал с официальной должностью научную работу и охоту на дикого зверя, которым территория Северо-Восточного Китая в те годы изобиловала. Охота в тайге представляла собой нечто вроде поединка между охотником и добычей и отличалась от «комфортабельной» европейской охоты. После нескольких лет охоты Николай Аполлонович уже достаточно закалился и набрался опыта, что мог бы соперничать с любым таёжным охотником. Со многими из них он близко познакомился и даже подружился, и они появляются в качестве действующих лиц в его рассказах об охоте в маньчжурской тайге. Первая статья Н. А. Байкова была напечатана в 1902 году в Москве в научном и охотничьем журнале «Природа и охота» под названием «Природа Маньчжурии». Автор также публиковался в журналах «Охотник», «Охотник и пушник Сибири», «Наша охота», «Природа и люди», «Вокруг света», «Разведчик», «Охотничья газета», «Север». Его работы носят описательный характер: «Звероводство в Маньчжурии» (1903), «В Маньчжурии» (1904), «Случайная охота в Гиринской провинции» (1904), «Фауна и охота» (1905), «Охота у горы Маоэршань» (1907), «По тигровым следам» (1907), «На тяге. В Маньчжурии» (1909), «Змеи и их приручение» (1911), «Собаки Маньчжурии» (1911), «Русские трапперы в Маньчжурии» (1912), «В горах и лесах Маньчжурии» (1914) и др. К 1914 году у Н. А. Байкова насчитывается уже 13 натуралистических очерков о природе Маньчжурии. Позднее многие из статей и рассказов появились в сборнике «В горах и лесах Маньчжурии». По поводу этой первой книги рецензент писал: «Талантливо, ярко и красочно автор рисует охоты, природу, нравы и обычаи малоизвестного края, и все очерки и рассказы его читаются с большим интересом. Увлекательные описания охот, чутко подмеченные красоты дикой и величественной природы, масса ценных наблюдений, собранных в книге “В горах и лесах Маньчжурии”, делают её чрезвычайно интересной не только для любителя природы и охотников, но также для всех сколько-нибудь интересующихся Маньчжурией» (Дмитровский-Байков, 2008).

Ликвидация банд хунхузов, стычки с боксёрскими отрядами (восстание ихэтуаней – так на рубеже веков именовалась народная борьба против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику

и религиозную жизнь Китая), таёжная охота на диких зверей, возможность наблюдать за древней тайгой, быть первым её исследователем – всё это наполнило жизнь Н. А. Байкова (2009, с. 25) новыми впечатлениями, событиями и приключениями, о которых он мечтал ещё мальчишкой. Рассказывая об охранной страже КВЖД в начале XX века, писатель уточняет, что этот период борьбы русских людей с китайскими разбойниками можно назвать «героической эпопеей, где проявился самобытный дух нашего народа, его характера при исполнении долга воина и гражданина» (Байков, 2012, с. 352). «Отдельные эпизоды этой борьбы, уже вошедшие в историю, стали сказочными легендами, напоминающими мифические предания старины и народного эпоса» (Байков, 2012, с. 352).

Охота на тигров волновала будущего писателя ещё с детства, с момента знакомства с Н. М. Пржевальским, давшим юноше наказ. Образ тигра является неотъемлемой частью всех произведений писателя. Известно, что сам Н. А. Байков убил нескольких тигров, один из которых был тигр-людоед Великий Ван (Кириллова, 2022b, с. 1733). Как пишет внук писателя Н. И. Дмитровский-Байков (2008), его дед никогда поголовного расстрела животных не одобрял: «Это относится и к тигру, поскольку по сравнению с кабаном или фазаном, польза охоты на которых вполне очевидна, тигр приносит мало пользы и, следовательно, охота на него свидетельствует только об охотничьем умении и отваге охотника. За 12 лет своего первого пребывания в Маньчжурии Николай Аполлонович добыл только двух тигров, и этого было достаточно». Можно сказать, что контакты с Владыкой тайги, незримая связь с «царём Маньчжурии» впоследствии даже «спасают» жизнь Н. А. Байкову. Известен следующий эпизод из автобиографии молодого офицера-пограничника и будущего дальневосточного писателя-натуралиста. Так, согласно воспоминаниям, в 1910-1911 гг. в Маньчжурии активно проявлял себя отряд повстанцев-«краснобородых» во главе с неким Вандо, и роте Н. А. Байкова было поручено покончить с хунхузами. «Николай Аполлонович разработал и составил план операции. Но из-за полученной травмы непосредственными ликвидаторами повстанцев явились штаб-капитан Мартенсон и потомок легендарного Тимура – князь Ин. Гантимуров. После окружения и боя многие хунхузы были перебиты и некоторые взяты в плен. Сам Вандо с небольшой группой сумел уйти и скрыться в таёжных дебрях. Озлобленные родственники погибших впоследствии выследили в тайге ночёвку Н. А. Байкова, поэтому утром он оказался полностью заблокированным в одной из фанз. Шансов на спасение не было. Но атака китайцев не состоялась, они отступили. Через несколько лет произошла встреча (в официальной обстановке) с Вандо. Теперь он уже был полковником правительственных войск. “Почему вы не убили меня, когда я попал в ловушку?” – спросил его Николай Аполлонович. “Тебя спас от смерти только Великий Ван, которому воздаются божеские почести, поэтому «Победителя Вана» не может тронуть рука обычного человека»» (Крюков, 2012).

Из всех сфер мира материальной природа в творчестве Н. А. Байкова является первоосновой всего сущего, это определяет особенность пейзажа в художественном воссоздании действительности. «Мотив природы пронизывает ткань всех произведений писателя, воплощая собой именно естественный материальный мир, в котором живут и действуют герои» (Плостина, 2002, с. 10). Обращение к природе Маньчжурии и её обитателям явилось художественным открытием Николая Аполлоновича. «Писатель смотрит на природу, в частности на тайгу, как учёный-естественник. И в то же время Н. А. Байкову свойственно романтическое восприятие мира природы: он не только охотник, но и поэт. <...> В его произведениях природа всегда, даже косвенно, но служит источником лирического вдохновения» (Плостина, 2002, с. 10).

В романе/повести о тигре «Великий Ван» жизненный путь самого владыки Вана начинается, с одной стороны, как у всякого животного, а с другой – он обрисовывается как путь становления и возмужание великого лесного властителя и богатыря, сказочного героя, мифологического. «Сквозь анималистический сюжет начинает просвечивать эпический – история мифологического героя, представленная цепочкой характерных мотивов: рождение – инициация – любовь – странствие – возвращение – борьба – уход (смерть)» (Неживая, 2000, с. 12-13). Достигнув взрослых размеров и набравшись опыта, Ван вполне оправданно считает себя всемогущим, все животные в тайге относились к нему с уважением и страхом. «Хотя по возрасту он был ещё совсем юн, но физически развился настолько, что выглядел вполне взрослым тигром» (Байков, 2009, с. 135). Свои силы Ван проверяет в поединке с огромным старым кабаном, которого он удачно застаёт спящим и убивает с одного броска, а потом и с медведем, с которым трудностей возникает намного больше: «Медведи ещё ни разу не служили его добычей, и тигр знал, что предприятие это рискованное и сопряжено с опасностями самого неожиданного характера» (Байков, 2009, с. 118). Как мы уже отмечали ранее, весь текст построен на мотивах зоолатрии и очеловечивания, неоднократно возникают отсылки к людям, человеческому сознанию (Кириллова, 2022b, с. 1734). Сравнение с человеком видится и во внешних проявлениях, и в рефлексиях животного. «При виде тигра медведь обыкновенно становится на задние ноги, чтобы с высоты своего роста получше рассмотреть страшного хищника, наводящего страх и ужас на всё живущее. Такое положение, на двух ногах, напоминающее человека, производит на тигра некоторое впечатление, и он проникается к своему соседу, неуклюжему Топтыгину, уважением. Кроме того, величина и массивность медведя, обнаруживающие в нём большую силу, импонируют даже тигру. Но не таков был Ван. Чувствуя в себе избыток первобытных сил и стремление претворить их в действие, он мысленно решил вызвать на бой медведя» (Байков, 2009, с. 119). Однако медведь оказывается более бдительным и быстрым, чем кабан, заставить его врасплох Владыке маньчжурской тайги не удаётся, и начинается долгое и утомительное выжидание, закончившееся страшным боем, в котором тигр с трудом, но всё же одерживает победу. Примечательно, что эта масштабная «битва богатырей произвела потрясающее впечатление на всех обитателей тайги». «Кто только мог, убежал подальше в глубину чащи, чтобы не слышать страшных звуков этого побоища» (Байков, 2009, с. 126). Бой выписан почти как мифопоэтический, эпический: «Всё поле борьбы вокруг было забрызгано алой кровью; трава, кусты и заросли смяты и поломаны;

в некоторых местах земля глубоко взрыта когтями медведя; всюду виднелись клочья окровавленной белой шерсти хищника и чёрного меха Топтыгина» (Байков, 2009, с. 126). Этими победами над другими таёжными властелинами, почти не уступающими тиграм в силе и опасности, Ван подтверждает свою власть и свой авторитет. На вопрос молодого дятла, зачем повелитель гор лесов сцепился с Чёрным Мешком, ведь ему вполне хватает пищи, вокруг много кабанов, коз и изюбрей, зачем Ван так рискует своей шкурой, что хочет этим доказать, получен ответ от мудрого старого наставника: «Наш Повелитель отмечен особым знаком, и судьба его в руках Всевышнего! <...> Тигр, пришедший недавно с горы Татудинзы, – сын старого Вана из Кореи. Он пробует здесь свои силы. Всё делается так, как решила судьба» (Байков, 2009, с. 127). Так говорили между собой таёжные птицы, постоянные переносчики новостей и слухов.

Образ «тигриного царя», также называемого в текстах дальневосточного писателя «Горным духом», символизирует особенное животное – такое, которому повинуются не только все тигры, но и все таёжные звери, и даже охотники и звероловы. Как известно, это было связано в том числе и с верой в то, что тигриные полоски на лбу животного складываются в знак «ван» – «царь, князь». Поэтому китайцы, корейцы и иные представители бродячих тунгусо-маньчжурских племён Маньчжурии и российского Дальнего Востока называли тигра царём зверей. В ориентальных культурах и российских региональных (дальневосточных) инокультурах тигру отводилось наиболее значительное место (Кириллова, 2022а, с. 454-462). Считалось также, что тигр символизирует силу и здоровье, а рисунки с ним имеют защитную функцию, отгоняют злых духов и болезни. Потому тигра часто изображают на стенах жилых домов. Знаменитые чародеи, сражающиеся с нечистой силой, разъезжают, как правило, верхом на тигре. Так, например, верхом на тигре рисовали победителя демонов Чжункюя. В даосизме этот хищник ассоциировался с западом, белым цветом, осенью и одним из пяти первоэлементов – водой – и противопоставлялся зелёному дракону – воплощению весеннего востока. Самый известный тигр китайской мифологии – Байху, или «Белый тигр». Считалось, что лучшей защиты от зла, чем Белый тигр, не найти. Белый тигр даст защиту и покровительство, спасёт от ограбления, бед и краха. Как известно, белый цвет в Китае является цветом траура. Белый тигр связан с западом, где лежит страна мёртвых (Кириллова, 2015, с. 130-179). Поединок тигра и дракона стал одним из популярнейших символических мотивов китайской живописи. В Китае, Японии, Корее тигр – важнейший из образов живописи и декоративного искусства. Входы в монастыри, храмы, общественные здания, богатые магазины, дворцы феодалов часто украшали – для оберегания – каменными изваяниями тигра (Малявин, 2000, с. 341; Сидихменов, 2000, с. 44). Над передней дверью люди помещали изображение тигра, чтобы он позволил им жить мирно. Использовались голова тигра, сделанная из ткани и висящая на воротах, бумажное изображение тигра на окне, подушках и стёганных одеялах на кровати, на ботинках и игрушках для детей. Существовал обычай шить для новорождённого чепчик и тапочки с изображением тигра, которые ребёнку надевали в 100-й день после появления на свет. Тем самым родители хотели оградить ребёнка от болезней и порчи, выражали свою надежду на его здоровый рост. Если родился мальчик, то тигровый орнамент должен был означать пожелание видеть сына сильным и бесстрашным (Кириллова, 2015, с. 89). Защитная сила тигра прослеживается и в древней традиции надевать на детей тигровые шапки. В старые времена, когда женщина отправлялась в дальнюю дорогу, то она пришивала к юбке кусок тигриной шкуры. Считалось, что в таком случае дух тигра обеспечит ей безопасность (Кириллова, 2015, с. 89). Азиаты верили, что оберегами служат предметы быта, украшенные рисунками, резьбой в виде тигров. Тема «тигрица, кормящая человека» была особенно популярна в вышивке.

В китайской и тунгусо-маньчжурской мифологии, как и в повести Н. А. Байкова «Великий Ван», соответственно, тигр почти всегда соседствует с другим священным существом – драконом. Оба эти существа в фольклорных верованиях предстают одновременно и творцами, и разрушителями. По древним дальневосточным представлениям, тигр повелевает ветрами, а дракон насылает тучи и дождь. «Вообще считается, что тигр живёт только там, где и дракон» (Китайский талисман – Тигр – фэн-шуй. URL: <https://toolsmagic.ru/simvolyc/htosimvoliziruet-tigr.html>). Дракон, как известно, – универсальный для Среднего государства символ и самый главный, тотемный, он считается первопродком, прародителем нации. Яростного тигра всегда должен контролировать дракон. В одной из китайских притч, раскрывающих путь Дао, повествуется о том, что хвосты тигра и дракона срослись и животные стали неразрывно связаны. В результате такого дуализма им пришлось принять друг друга, выработав систему взаимодействия «инь и ян» (Тигр и Дракон (притчи). 2011. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3587471/post181571400/>). Дракон – символ мужского начала, а тигр – женского. Е. Н. Филимонова (2004) в статье, посвящённой анализу символики священных животных в переводных произведениях корейской и китайской литератур, приводя примеры из китайских сборников бицзи X-XIII веков «Нефритовая роса», отмечает, что дракон и тигр символизировали неординарность, избранность: «Даже дыхание избранного судьбой человека отождествлялось с дыханием таких священных животных, как дракон и тигр: “Я увидел, что дыхание, исходящее из левой ноздри вашего, господин, носа, подобно дыханию дракона, а из правой ноздри – подобно дыханию тигра. Дыхание дракона соединилось с дыханием тигра – быть вам этой осенью князем!”». Драконовым и тигровым войском в древности называли королевские войска.

Как уже отмечалось нами в предыдущих исследованиях (Кириллова, 2022а; 2022b), дед Вана, великолепный корейский тигр, умер от старости на вершине священной горы Бай-Тоу-Шань (по-корейски Пак-Ту-Сан), в пещере Великого Духа Дракона, и смерть царственного животного ознаменовалась землетрясением: «Так как Великий Дракон, спящий в недрах горы, ворочался на своём каменном ложе, и горячее дыхание его в виде серных паров и ядовитых газов вырывалось из глубоких трещин у самой вершины. Небесное же озеро, покоящееся в кратере вулкана, кипело и волновалось, посылая свои животворящие священные воды в Сунгари,

реку Жёлтого Лотоса» (Байков, 2009, с. 95). Именно так поэтически именуют китайцы главную священную реку Маньчжурии. «Воды реки Сунгари насыщены дыханием Великого Дракона Священной горы и несут в себе животворящее начало и целительную силу» (Байков, 2009, с. 95). Про грозу хунхузов и боксёров храброго ротмистра Вадима Алатаева из романа «Чёрный капитан» и вовсе говорят, что он ездит верхом на драконе в гости к тигриному царю. Суеверные китайцы-огородники, услышав в тишине ночной топот и всматриваясь в темноту, в которой, однако, ничего не в состоянии разглядеть, кроме скачущего вихря и бешеного крылатого коня, из ноздрей которого со свистом вылетает шипенье и из-под копыт сверкают искры, говорят между собой полужёпотом о таинственном всаднике: ««Это дракон! На нём сидит Чёрный капитан. Он отправляется в гости к самому Великому Вану, на вершину Белой горы»» (Байков, 2009, с. 271). Или, наблюдая за развившимся бешеной скоростью вдоль хуторов паровозом, которым управляет командир сотни, они «воображали, что это летит сам дракон и из ноздрей его пышет пламя, за ним стелется туман и вздымаются столпы пыли» (Байков, 2009, с. 341).

В ориентальном/дальневосточном стереотипном мышлении дракон играет очень важную роль, служит символом счастья, силы, процветания и могущества, является символом Китая (Кириллова, 2015, с. 30-59). Дракон символизирует лучшие человеческие добродетели: одарённость, решительность, храбрость, мужественность. В китайском языке существует множество пословиц и чэньюев (идиом), которые ссылаются на дракона, фразеологизмы со словом «дракон» выступают с положительной оценкой: «у дракона рождается дракон», «ухватиться за дракона», «достичь врат дракона», «надеяться, что сын станет драконом», то есть будет удачливым и сильным, как дракон, и др. Для китайца с драконом может сравниваться только выдающийся, сильный, бесстрашный, талантливый человек. Речения фразеологического характера «оседлать дракона» или «взлетел дракон» имеют значение «кому-то очень повезло». В произведении Н. А. Байкова (2009) китайцы, видя в Цыганском бароне проявление сверхъестественной силы, заставляющей всех животных подчиняться и повиноваться этому человеку, высказывались так: «Он знает с самим дьяволом и может оседлать дракона. Есть люди, которые видели, как он мчался ночью на драконе» (с. 315). Кстати, в старой Корее после переезда в новый дом, перемены квартиры, свадьбы обычно в виде приветствия спрашивали: «Видели ли вы во сне дракона?» – на что следовало ответить: «Видели». Эти выражения сделались просто приветствиями – вне зависимости от того, видели ли тут дракона или нет (Конрад, 1996, с. 83).

Горы, по представлениям местных народов, священны. Поэтому вполне закономерно, что Хинганский хребет, отделяющий Монголию от Маньчжурии, русским писателем также мифопоэтизирован. Допускаем, что Н. А. Байков использует легенды, раскрывающие тайну появления реки Амур. Так, согласно древним легендам китайцев, Хинганский горный хребет – это каменный остов дракона, голова которого упирается в Амур, а хвост оканчивается у устья реки Ляо-хэ. Окаменел он давно, много тысяч лет тому назад, но придёт время, когда дракон проснётся, дрогнут все его члены и сбросит он с себя землю и леса, и двинется на запад, уничтожая всё на своем пути (Легенда о Чёрном Драконе. 2016. URL: <https://mszn27.ru/node/22100/>). Хинган – название тунгусское, китайцы же называют хребет «Хэй-лун-шань», то есть «Горы Чёрного Дракона» (黑龙山), а Амур носит у них название «Хэй-лун-цзян», т.е. «Река Чёрного Дракона» (黑龙江). Таким же является и нанайское название реки Амур. Среди всех народов, живущих по берегам Амура, бытовало поверье о могучем Чёрном драконе, своенравном, но щедром божестве дальневосточной реки. Согласно функционирующей легенде, в давние времена Чёрный дракон, обитавший в реке и олицетворявший добро, победил злого – белого – дракона, который топил лодки на реке, мешал людям рыбачить и вообще нападал на любое живое существо. «Победитель остался жить на дне реки в районе Хинганских щёк, что на границе Амурской и Еврейской автономных областей. С тех пор эта река называется рекой Чёрного Дракона. Образно говоря, “хвост” Чёрного Дракона находится в степях Монголии и Даурии, “туловище” лежит в четырёх российских регионах и в одной китайской провинции. Две левые “лапы” дотягиваются до самого Станового хребта, где берут начало притоки Амура – Зея и Буряя, а две правые “лапы” – притоки Сунгари и Уссури – в Китае и в Приморье. “Голова” Дракона упирается в Охотское море, и он “пьёт воду” Татарского пролива. Длина “тела” Чёрного Дракона от “хвоста” до “головы” – более 4500 км, а площадь его (бассейн Амура) достигает 1,8 млн кв. км.» (Легенда о Чёрном Драконе. 2016. URL: <https://mszn27.ru/node/22100/>).

Согласно традиционным верованиям народов Дальнего Востока России и Азии, горы в очень далёком прошлом тоже являлись живыми существами, но окаменевшими. Среди изображений особо суеверные усматривали мифических существ и великанов, сражавшихся с демонами, гигантских уроборосов, обвивающих и замыкающих в круг землю, и других космогонических существ. И этому в текстах писателя обнаруживается огромное количество примеров-подтверждений. Так, например, в «Чёрном капитане» одна из многочисленных древних кумирен перевала была «посвящена Великому Дракону каменных твердынь Тайпинлина» (Байков, 2009, с. 280). Очертания гор и сопок напоминают часто людские облики и человеческий социум. Всё это когда-то дышало жизнью, как считали местные жители. Подобные взгляды навевались, конечно, грандиозными видами природного ландшафта. Известный исследователь и путешественник В. К. Арсеньев (2012) в одном из своих очерков начала XX века фиксировал: «Уссурийский край – страна горная. Причудливые вершины, острые и тупые, толпятся до самого горизонта. Контуры дальних гор расплывчатые, несны – они тонут в сиреневатой дали. Отсюда, с высоты птичьего полёта, страна кажется как бы окаменевшим морем, кажется, будто всё это когда-то кипело, волновалось и вдруг сразу застыло и остановилось в своём движении» (с. 327).

С наибольшей частотностью говорится в произведениях Н. А. Байкова о горе Пак-Ту-Сан, или Пэктусан (современное написание), расположенной на границе между Северной Кореей (провинция Янгандо) и Китаем

(провинция Цзилинь), самой высокой и красивой горе Кореи. Гора упоминается в древних китайских книгах, в том числе в Хой Ханьшу («История династии “Поздняя Хань”») под разными именами. Согласно древней легенде, корейская нация зародилась именно в окрестностях Пэктусана. Своей святостью гора обязана легенде о мифическом основателе корейского государства – Древнего Чосона – бессмертном полубоге и короле Тангуне. При этом миф о Тангуне, мифологическом родоначальнике корейцев и корейского государства, популярен как в Северной, так и Южной Корее. Родословная Тангуна начинается с повелителя небес, бога Хванина. У Хванина был сын Хванун, которому было суждено жить на Земле среди долин и гор. Хванин направил Хвануна с тремя тысячами помощников на гору Пэктусан (Тхэбоксан), где Хванун основал божественный город Синси, что означает «божий город», «святой город» или «обитель Бога» (Пострелова, 2001, с. 137-158).

Слово «Пэктусан» в переводе с корейского означает «белоголовая гора». Китайцы называют её Чанбайшань, что значит «вечно белая гора». Очевидно, именно к этой Белой горе, как считают суеверные обитатели Маньчжурии, и путешествует на драконе Вадим Алатаев. Как известно, белый цвет в ориентальной колористике служит цветовым маркером смерти. Чёрный цвет в ориентальных культурах, наоборот, имеет только положительные коннотации. Иная реальность, inferнальный мир, мир смерти подчёркиваются белоснежностью или белёсым цветом (это может быть снег, мгла, густой туман, бус, пелена). Отсылка к «вечно белой горе» подтверждает, что именно там живут, соседствуя друг с другом, Владыка-дракон и Владыка-тигр. Речение фразеологического характера «улететь на драконе» означает «умереть». Добавим, что китайцы, заменяющие табуированные слова эвфемизмами, в случаях когда речь идёт о естественной смерти (смерть от старости), называют её «Белой смертью». В названии заложена тема ухода человека из жизни и косвенно – мотив возвращения его к своим предкам, присоединения к вечности. «В деревне люди, верящие в “бесконечные перевоплощения”, считают, что смерть в некотором смысле – это счастье, она символизирует начало новой жизни. Поэтому часто называют такую смерть буквально “белым счастьем” (白喜). При помощи использования такого выражения в качестве эвфемизма можно утешить родных покойного. Существует буквальное словосочетание “красные и белые счастливые дела” (紅白喜事). Под выражением “красное счастье” (紅喜) подразумевается свадьба» (Чжан Чань, 2012, с. 86).

Подобное толкование древних восточных мифов, преданий и легенд в очередной раз демонстрирует воссоздание русским писателем Н. А. Байковым (2011) в своих художественных произведениях именно мифопоэтической картины мира. «Вдалеке, в тёмной рамке лесов и прибрежных зарослей, виднелись белые пятна озёр Цзинь-Буку, а за ними, как грозовые тучи, нависли мрачные отроги Чан-Бо-Шаня, покрытые дремучими кедровниками. На самом горизонте, в туманной мгле горных далей, освещённая золотыми лучами солнца, мерещилась высочайшая вершина Маньчжурии, священная гора Бэй-тоу-шань, по-корейски Пактусан, вздымающая свой потухший кратер к небесам» (с. 608-609). И в своих произведениях Н. А. Байков, вторя восточным легендам, придаёт реальным историческим фактам и событиям мифологический смысл, проявляя, таким образом, тип восточного сознания. Пэктусан – потухший вулкан. Описанное автором прекрасное Небесное озеро – в действительности существующее высокогорное, глубокое озеро Чхончжи, завораживающее и впечатляющее; оно как раз расположено в кратере вулкана. Из озера берёт своё начало река Сунгари. На склонах вулкана также находятся истоки рек Тумыньцзян и Ялуцзян. В очередной раз подчеркнём: приведённые выше фрагменты художественных текстов Н. А. Байкова демонстрируют не научный взгляд писателя-натуралиста, а поэтический. «Очертания гористой местности Китая, которая занимает половину всей территории страны, вызывали у китайцев религиозный трепет, порождая мифические образы и фантазии. Так, большинство гор Китая имеют свою мифологическую историю, обычно связанную с образом спящего дракона, а иногда и с образом тигра» (Родионова, 2015, с. 72). Писатель заимствует приём олицетворения, персонификации сил природы у примитивных народов. И корейцы, и китайцы считают гору Пэктусан священной. Раньше верили, что в озере живёт дракон и он не хочет, чтобы люди видели его жилище и нарушали его покой. Для таких поверий о драконе были серьёзные основания – вблизи озера иногда слышался гул из-под земли, а по мере приближения к вершине поднимался сильный ветер. Конечно, сегодня с научной точки зрения этот гул объясняется вулканической деятельностью. Спящий Дракон – не что иное, как спящая или возбуждённая магма. А если обратиться к научной справке, то «Пэктусан показывает себя достаточно активным и беспокойным вулканом. Всего было зафиксировано около 20 достаточно крупных извержений. Последнее – с выбросом камней и газов – произошло в 1903 году. Это означает, что Пэктусан весьма активен и может показать свой нор. По крайней мере, сведения о появлении пара в трещинах горы и новых тёплых выбросах воды появляются достаточно регулярно» (Кирьянов О. Пэктусан – самая священная гора корейцев // LiveJournal. 29.10.2017. URL: <https://remch-ch.livejournal.com/1767856.html>). Ритуальное почитание Пэктусана китайцами и корейцами, а также удэгейцами, тазами, нанайцами – древними жителями-инородцами российского Южно-Уссурийского края (нынешнего Приморья), поклонение священной горе и спящему в ней «вулкану-дракону», умиловивление этих природных объектов уже не кажутся в наши дни предрассудками, если иметь представление о том разрушительном потенциале, тащемся внутри. Так, согласно современным сейсмологическим исследованиям, «новое извержение может нанести значительный урон странам Корейского полуострова, Китаю, Японии и России. Извержение может вызвать сильнейшее внезапное наводнение водами озера Чхончжи в радиусе 30 км от вулкана. Будут затоплены Владивосток в России и остров Хоккайдо в северной Японии» (Вулкан Пэктусан. URL: http://esgeo.ru/blog/vulkan_pehktusan_bajtoushan/2013-01-17-57).

Тем не менее воплощение стихийной силы вулкана, этого грандиозного явления природы, предстаёт у Н. А. Байкова в образе живого мифического существа. Несомненно, произошедшее в 1903 году извержение

Пэкту должно было зафиксироваться и в жизни самого писателя, проживавшего тогда в Маньчжурии, и в сознании суеверных обитателей тайги, а мистические представления, связанные с этим событием, конечно, отразились в русскоязычных художественных текстах (Кириллова, 2015; 2018), в том числе неоднократно в произведениях писателя-эмигранта Н. А. Байкова (2011). Многие труднообъяснимые для «природного» человека события трансформировались в дальневосточные легенды. Так, в повести «Тигрица» находим: «Узнав, что на вершине этой горы имеется озеро и что, по преданию маньчжуров, внутри горы спит дракон, Бобошин проговорил, устремив свой взор вдаль: “Когда-нибудь я доберусь до этой вершины и пощекочу ноздри дракону, чтобы он чихнул! Вот будет потеха! Тогда запляшут лес и горы!”» (с. 608-609). Путешественник и писатель Н. Г. Гарин-Михайловский (1957), побывавший на рубеже XIX-XX веков на территории Южно-Уссурийского края и Северной Кореи, писал в своём сочинении «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову»: «Корейцы сообщают первые сведения о Пектусане, высочайшей здесь вершине – цели нашей поездки, с таинственным озером на ней, питающим будто бы три громадные реки: Туманган, Ялу и Сунгари. Несомненно, это бывший вулкан. Один из очевидцев этой горы, проезжавший около неё в десяти верстах, слышал шум, похожий на гром, исходящий из недр земли. “Это волны озера так шумят, – объясняет он по-своему, – озеро там глубоко и видеть его можно, поднявшись на самую вершину, но подняться туда нельзя, потому что сейчас же поднимается страшный ветер, хотя кругом и тихо, и мелкая пемзовая пыль выедает глаза”. – “Почему же ветер поднимается?” – “Дракон, который живёт в этом озере, не хочет, чтобы смотрели на его жилище”. Хорошо, что дракон запасся такой пылью, а иначе набились бы и к нему любопытные корейцы, как набивались к нам, когда мы ночевали у них. “А Туманган из этого озера действительно вытекает?” – “Говорят”. “Что значит Туманган?” – “Туман – неизвестно куда скрывшийся, ган – река”. “Зачем ходят на Пектусан?” – “Ходят собирать в его окрестностях женьшень, цена которого дороже золота”» (с. 33).

Примечательным кажется и то, что именно за драконообразное существо в повести «Великий Ван» принимается длинное, лязгающее и светящее огнями творение человека – поезд, «гигантский змей-горыныч», «богатырским свистом бичующий священную тишину лесов» (Байков, 2009, с. 152). А в романе «Чёрный капитан» Ван видит двигающуюся сотню казаков, поющих любимую донскую песню. Во главе сотни возвышается сам Вадим Алатаев на своём красавце-коне по имени Чёрт. Звуки народной солдатской песни, будя далёкое горное эхо, нарушают покой зверя. Растянувшееся казачье войско напоминает тигру дракона или змею: «...извиваясь змеей, двигалась казачья сотня» (Байков, 2009, с. 260). Владыка маньчжурской тайги настораживается, пугается, ощущая, что к его миру подступает что-то непонятное и враждебное: «Он пристально всматривался вдаль, где в мареве горного тумана двигался неведомый змей или дракон, извиваясь по хребтам и падям и шумя своей чешуёй. Он знал, что этот дракон сильнее его, повелителя гор и лесов, и огненное дыхание его смертельно для диких обитателей тайги. Он глухо рычал, скаля свои страшные конические клыки» (Байков, 2009, с. 446). Хитрый человек с его оружием и разными приспособлениями, конечно, сильнее животного. Об этом думает свою невесёлую думу старый тигр, глядя с высоты на движущийся отряд казаков-замурцев.

Заключение

Отметим, что в работе рассмотрены не все художественные тексты писателя русской дальневосточной эмиграции Н. А. Байкова и только часть фольклора, связанного с исследуемыми ориентальными образами и мотивами. Так, плодотворным видится, например, изучение темы встречи человека с повелителем лесов и гор. Примечательным историко-этнографическим потенциалом наполнена тема ритуального поведения, а именно мотив уступания дороги священному зверю таёжными жителями (маньчжурами, китайцами, корейцами, инородцами российского Дальнего Востока). Ориентальный зооморфизм, выражающийся в представлениях о священных животных как воплощении сущности богов, писатель демонстрирует в художественном воспроизведении схода с тропы и обряда моления перед проходящим зверем – тигром.

Значительным видится также рассмотрение образов лесного богатыря Бобошки и Настасьи Зотовой из повести «Тигрица». Этнография Востока способна мифологизировать в произведениях Н. А. Байкова не только животных или растения, что изучается на примере Владыки тайги тигра или мифического дракона-тератоморфа, или, к примеру, образов священных фитоморфов (дерева кедра, растения женьшеня, цветка лотоса). Ориентальной сакрализации могут быть подвержены и люди-персонажи, что подтверждается текстами Николая Аполлоновича. Это, в свою очередь, формулирует перспективы дальнейших обращений, когда очередная тема закономерно продолжает осмысление проблем культурно-исторических традиций населения Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Источники | References

1. Арсеньев В. К. Собрание сочинений: в 6-ти т. Владивосток: Рубеж, 2012. Т. 3.
2. Встреча с Д. И. Менделеевым. Воспоминания Н. А. Байкова // Приложение к газете «Время» № 27 (230). 1943. 4 июля.
3. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 5. Воспоминания, сказки, пьесы, статьи.

4. Дмитровский-Байков Н. И. Жизнь и творчество Н. А. Байкова. 2008. URL: <http://www.ohotniki.ru/editions/huntingfishing/article/2008/12/25/6122-zhizn-i-tvorchestvo-nikolaya-apollonovicha-baykova.html>
5. Кириллова Е. О. Духовно-ценностная концепция Ориента в художественных произведениях Н. А. Байкова: китайские и тунгусо-маньчжурские мифологические представления о тигре // Мир науки, культуры, образования. 2022а. № 2 (93).
6. Кириллова Е. О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшнов). Владивосток, 2015.
7. Кириллова Е. О. Художественное воплощение корейского мифо-ритуального комплекса в дальневосточной повести русско-польского писателя С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке - 2018: мат. VII междунар. корееведческой конф. (г. Владивосток, 17-18 мая 2018 г.) / отв. ред. И. А. Толстокулаков. Владивосток, 2018.
8. Кириллова Е. О. Этнография Ориента в произведениях Н. А. Байкова на примере зооморфных образов, священных локусов и мифохронотопа (к проблеме сохранения традиций в контексте миграционных процессов Дальнего Востока России) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022b. Т. 15. Вып. 6.
9. Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма / отв. ред. В. М. Алпатов, А. И. Клибанов; предисл. В. М. Алпатова. М.: РОССПЭН, 1996.
10. Крюков С. Из разведки в философию. 2012. URL: <http://maxpark.com/community/901/content/1735688>
11. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000.
12. Неживая Е. А. Художественный мир Н. А. Байкова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2000.
13. Пластина Н. Н. Творчество Н. А. Байкова: проблематика, художественное своеобразие: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2002.
14. Пострелова М. Н. Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // Вопросы истории Кореи: Петербургский научный семинар. СПб., 2001.
15. Родионова К. И. Мифология и религиозная обрядность тунгусо-маньчжурских народов в исследованиях писателя-эмигранта Н. А. Байкова (на примере повести «Великий Ван») // Записки Гродековского музея. Хабаровск: ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2015. Вып. 33.
16. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000.
17. Филимонова Е. Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_26_05filimonova.pdf
18. Хисамутдинов А. А. По странам рассеяния: в 2-х ч. Владивосток, 2000. Ч. 1. Русские в Китае.
19. Чжан Чань. Соотношение понятий «табу» и «эвфемизм» (на примере русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2012. № 6.

Информация об авторах | Author information

RU

Кириллова Елена Олеговна¹, к. филол. н.

¹ Дальневосточный федеральный университет;

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток

EN

Kirillova Elena Olegovna¹, PhD

¹ Far Eastern Federal University;

Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

¹ sevia@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): Н. А. Байков; литература русской дальневосточной эмиграции; образ тигра; образ дракона; N. A. Baykov; Russian Far Eastern émigré literature; image of the tiger; image of the dragon.